

УДК 94(470)«19»

Трухин М.Д.*Московский государственный областной университет***ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ
ЧЛЕНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»
Л.А.ТИХОМИРОВА И Н.А. МОРОЗОВА**

Аннотация. Данная статья посвящена актуальному вопросу изучения идеи созыва Учредительного собрания в воззрениях известных членов революционной организации «Народная воля» в 70-80-х гг. XIX в. и является продолжением предшествующей публикации М.Д. Трухина «Идея Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля». Основной темой в публикации является подробное рассмотрение позиций Л.А. Тихомирова и Н.А. Морозова по вопросу Учредительного собрания, а также их ближайших единомышленников.

Ключевые слова: Временное правительство, Земский собор, «Народная воля», народники, парламентаризм, террор, Учредительное собрание.

M. Trukhin*Moscow State Regional University***THE IDEA OF CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE VIEWS
OF L.A. TIKHOMIROV AND N.A. MOROZOV, THE MEMBERS
OF «NARODNAYA VOLYA» REVOLUTIONARY ORGANIZATION**

Abstract. This article is devoted to the topical issue of the study of the idea of convocation of the Constituent Assembly in the views of prominent members of the revolutionary organization «Narodnaya volya» in the 70-80s of the XIX century and is a continuation of M.D. Trukhin's previous publication «The idea of Constituent Assembly in the views of leaders of the revolutionary organization «Narodnaya volya». The main topic of the publication is a review of L.A. Tikhomirov and N.A. Morozov's positions on the issue of the Constituent Assembly, as well as their confederates.

Key words: Provisional government, Zemskiv council, «Narodnaya volya», narodniks, neo-narodniks, parliamentarism, terror, Constituent Assembly, jacobins.

Актуальность и источники по данной теме исследования уже были определены нами в предыдущей публикации «Идея Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля» [24, с. 99–105]. Поэтому, в качестве дополнения к уже в ней отмеченным матери-

© Трухин М.Д., 2014.

алам, прибавим лишь имена авторов воспоминаний о народовольческом движении А.Н. Баха, О.С. Любатович, Н.А. Морозова, А.П. Прибылёвой-Корба, Л.А. Тихомирова, М.Ф. Фроленко, В.Н. Фигнер и др. Также отметим, что в статье были использованы документы Российского государственного архива литературы и искусства (Ф. 1185. «В.П.

Фигнер», Ф. 1744. «Собрание воспоминаний народовольцев», далее в ссылках РГАЛИ).

Кроме вопроса о разграничении компетенции между полномочиями Учредительного собрания и Временного правительства в Исполнительном комитете «Народной воли» (далее – ИК), возник вопрос о полезности и своевременности выдвижения требования Учредительного собрания. Моральное право на выражение подобных взглядов получили все члены организации, так как сама Программа Исполнительного Комитета (далее – Программа ИК) говорила о несовершенстве этого института власти: «Это, конечно, *далеко не идеальная форма* проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней» (курсив мой. – М.Т.) [19, с. 172]. Данный текст был подготовлен Тихомировым на основе предварительных обсуждений и должен был выражать собой совокупность мнений большинства членов ИК. Основание для такой критики чаще всего рождалось от анализа опыта зарубежного парламентаризма. Даже в поздней периодике народовольцев эта тема продолжала фигурировать. Так, в «Вестнике Народной воли» за 1885 г. Лавров писал, обращаясь к молодым революционерам: «К этому присоединяется ещё основательное опасение, выработанное на основе многочисленных опытов, опасение, что даже лучшие из представителей социализма, войдя в рутину политической борьбы в *парламентах...*, способны до того быть засосаны этою рутинною, имеющей свои весьма могучие традиции, что они скоро делаются

не только бесполезными, но и вредными, для дела социализма» (курсив мой. – М.Т.) [10, с. 35]. Таким образом, мы видим, что настороженное отношение к Учредительному собранию в ИК было совсем не чужеродным для народовольцев.

Эпицентром противоречий по вопросу Учредительного собрания в «Народной воле» стали отношения Льва Александровича Тихомирова и Николая Александровича Морозова. Личность и судьба Тихомирова всегда вызывали интерес у мемуаристов «Народной воли». В своих воспоминаниях член ИК Фроленко говорил, что в Тихомирове многие отмечали робость, вялость, непрактичность, и в тоже время, его главным умением он называет способность к теоретическим обоснованиям при формировании общих программных положений [25, с. 47–48]. С учётом того, что внутри ИК дискуссии по программным вопросам носили постоянный характер, эта способность Тихомирова была жизненно необходима для всей организации. Если касаться непосредственно личных взглядов Тихомирова, то сразу можно отметить, что с началом своей деятельности в ИК он, как и другие народовольцы, поддерживал требование немедленного созыва Учредительного собрания на широких демократических началах. Однако к концу 1881 г. у многих народовольцев стало всё чаще проявляться мнение о том, что ещё до созыва Учредительного собрания должно было быть создано Временное правительство, которое провело бы ряд подготовительных демократических реформ, необходимых для утверждения революционных завоеваний. При этом они считали, что ИК должен был выступить не только

организатором переворота, но и непосредственно возглавить такое правительство. Это обстоятельство отразилось и на Тихомирове. Известным документом, где он показал, что члены ИК довольно прагматично смотрят на захват власти, стало «Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам»¹. Хотя в письме Тихомиров и говорил, что ИК отказывается признать себя узурпатором власти: «...как только народ прочно утвердится, мы сочтём долгом созвать Земский собор и пр.», но основное содержание этого документа скорее демонстрировало обратное [19, с. 321]. Позднее о задачах Временного правительства Тихомиров писал и в статье «Что нам ждать от революции?». Основной обязанностью Временного правительства он называл придание массам организованности и революционного настроения. Тихомиров подчёркивал, что Временное правительство несёт в себе исключительно демократические функции. Фактически оно должно было открыть путь для реализации общественной инициативы. Результатом деятельности Временного правительства должен был стать «...не какой-нибудь прочный общественный строй», а только вызов силы, необходимой для его создания [23, с. 256]. Любопытно, что в этой работе Тихомиров нигде не сослался прямо на Учредительное собрание. Возможно, что под таким общим понятием, как «на-

¹ Данное письмо было анонимно написано Тихомировым от имени ИК и отправлено в конце 1881 г. за границу чёрнопередельцам и другим известным политическим эмигрантам: П.Л. Лаврову, П.А. Кропоткину и С.М. Кравчинскому. В последующем этот документ вызвал горячие споры, так как многие «старые народолюбцы» ошибочно считали его подделкой.

родное самодержавие», он мог подразумевать некий орган высшей законодательной власти. Однако в самом тексте он не стал прямо использовать термин «Учредительное собрание». В связи с этим утверждение историка Г.С. Кана, что в этой статье Тихомиров предстаёт как убеждённый сторонник созыва Учредительного собрания, выглядит не совсем корректно [9, с. 111]. Будучи приверженцем современной концепции власти, Тихомиров не мог отрицать такой её ключевой элемент, как парламентаризм и сопутствующие ему понятия. Его рассуждения о Временном правительстве и Учредительном собрании показывают, что он пытался смоделировать наиболее адаптированную модель высшей законодательной власти для России. В связи с этим мы никак не можем причислить Тихомирова к группе категорических противников Учредительного собрания.

Большую популярность имел в организации и Морозов, который приобрёл её благодаря своей высокой целеустремлённости и бесстрашию. Однако его взгляды часто не вписывались в общий контекст народолюбческих представлений. Критика Морозовым Программы ИК и его сложные отношения с Тихомировым оставили след в воспоминаниях многих народолюбцев. Так, Фигнер неоднократно и, похоже, с явным огорчением отмечала, что Морозов намеренно и даже зло «насмехался» над пунктом программы, где говорилось об Учредительном собрании, так как считал, что крестьянская масса из-за крайнего невежества своими голосами только утвердит через него деспотизм и самодержавие². Член ИК Н.К. Бух писал, что после очеред-

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 145. Л. 1, 51.

ных дебатов о программе организации Тихомиров упрекал его за поддержку Морозова, говоря о том, что: «...с ним трудно работать и он вносит разлад» [7, с. 40]. В основе революционного мировоззрения Морозова лежало сочетание радикальных представлений о двуличии западного парламентаризма и неподготовленности народных масс в России. Несколько раз он пытался открыто выразить эти идеи в печати организации, но они не были опубликованы. Морозов также хотел добиться от ИК возможности уехать на юг России с Любатович для занятий с молодёжью. Однако А.Д. Михайлов и А.И. Желябов отказали ему, заявив, что такая позиция отражает только его личное «террористическое, а не земского собора мнение» [11, с. 11]. Вслед за этим он и Любатович покинули организацию и выехали за границу.

В мае 1880 г. Морозов написал целую серию писем П.Л. Лаврову, П.Н. Ткачёву и, возможно, П.Б. Аксельроду, в которых примерно в одних и тех же формулировках выражал своё несогласие с лозунгом Учредительного собрания (Земского собора) в программе народолюбцев [22, с.100]. Тогда же в Женеве он самостоятельно издал брошюру «Террористическая борьба», в которой сформулировал свои ключевые позиции. Описывая российскую политическую действительность, Морозов предсказывал вероятное появление парламента, который правительство неизбежно созовёт под давлением террора для создания конституции. Он писал: «Нет сомнения, что косвенным продуктом террористической борьбы в России до её окончания, будет между прочим, и конституция. Уверившись в негодности полиции при

новой форме революционной борьбы, правительство попыбует привлечь к себе сторонников из классов заинтересованных в поддержке существующего строя. Наступит время императорского парламента, при котором под покровом общественной воли будет практиковаться такое же бесцеремонное насилие, как в настоящее время в Германии» [14, с. 10]. В данном случае Морозов явно имел в виду модель подконтрольного монархии парламента, созданного вне принципов всеобщего избирательного права. Кроме этой довольно общей критики возможного варианта созыва в России проправительственного парламента, Морозов в тексте никаким образом не обращается к обсуждению попытки изменения власти в России через какое-либо представительное учреждение. Всё дальнейшее внимание читателя Морозов сосредоточил на вопросах своего понимания террора. Массового признания в России брошюра Морозова не получила, а большинство лидеров «Народной воли» демонстративно отказались признать взгляды автора. Тихомиров, видевший пользу систематического политического террора лишь в виде короткой подготовительной работы перед началом революции, считал эту работу Морозова «анархической и нелепой» [5, с. 133]. В своей речи на суде Желябов также указывал, что брошюра «Терроризм и борьба» – частная работа «некого» Морозова, которую его партия отрицает [19, с. 254]. Как видно из приведённых выше примеров, приблизительно с начала 1880 г. Морозов действительно открыто выступал с критикой требования Учредительного собрания (Земского собора) в программе «Народной воли».

При этом его убеждения отталкивались от той точки зрения, что народные массы будут не способны сделать правильный выбор и, таким образом, лишь в новой форме узаконят в России самодержавие. Дополнением к этому служили ещё и примеры отрицательных результатов парламентской борьбы европейских социалистов. Такие представления у Морозова возникли постепенно и связывались с личным опытом, полученным во время «хождения в народ». В первую очередь, обратим внимание на известную книгу воспоминаний Морозова «Повести моей жизни». В ней мы не находим мест, где он акцентируется на категорической неприязни к идее Учредительного собрания и связанных с ней понятий. Более того, подробно рассказывая о своём «хождении» под видом чернорабочего, Морозов упоминает, как среди прочих требований пропагандировал крестьянам представительную власть, стилизуя свою речь под малограмотных слушателей: «У нас в столицах, – сказал я старику, появились люди, которые ... хотят, что бы все дела решались *выборными от народа*» (курсив мой) [13, с. 140]. Одновременно с этим он возмущённо описывал, как после его агитации крестьяне использовали брошюры автора для курения. О такой же, чаще всего бесполезной агитации рассказывали и другие участники «хождения», например, Бух¹. Так, он писал, что в молодости часто мысленно рисовал идеальные картины создания народом представительной власти, после чего разочарованно говорил: «... тщетны были наши первые попытки... Мы,

очевидно, шли ложным путём»². Похожие сомнения им были высказаны и о способности крестьян к самоорганизации в парламенте. В воспоминаниях он писал о том, что партия должна была больше обращать внимание на разработку конкретного плана созыва Учредительного собрания: «Всё это надо предвидеть и принимать соответствующие меры, а не полагаться на волю божию... я убеждён, что нам нельзя... возлагать свою надежду на здравый практический смысл народа»³. Вероятнее всего, отталкиваясь от таких же впечатлений, Морозов начал быстро задумываться о том, что даже в случае численного превосходства крестьянства в Учредительном собрании нет гарантии свержения монархии.

В то же время, немалая доля демонстративной и эпатажной критики Морозовым Учредительного собрания рождалась и от его импульсивной реакции на непростые личные отношения с Тихомировым. Сам Морозов открыто утверждал, что их разногласия были построены не только на теоретических, но и на моральных факторах. Он открыто писал, что Тихомиров пытался установить в ИК личную диктатуру и говорил в статьях не то, что думает, а составленная им программа была плодом личных взглядов [7, с. 170–171; 12, с. 11]. Язвительное отношение к Морозову постоянно встречается в воспоминаниях и у Тихомирова в виде колких выражений: «...мальчишка с недурной внешностью, который нравился барыням, бредил террором и больше ничем не интересовался» [5, с. 88, 114, 128]. Личные качества Морозова, особенно его храбрость, всегда

¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

² РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 9. Л. 158.

³ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 9. Л. 189-189а.

вызывали уважение среди соратников, но в роли главного партийного теоретика его вряд ли кто-то воспринимал серьезно.

Несмотря на то, что отдельные доводы Морозова о несовершенстве идеи учредительной власти выглядели вполне правдоподобно, перебороть Тихомирова в теоретических диспутах он был не в состоянии. Поэтому в этом противостоянии начали проявляться уже не только политические убеждения Морозова, но и особенности его крайне эгоцентричного характера. В своём художественно-документальном повествовании о жизни Морозова журналист-литератор М.А. Поповский довольно удачно смоделировал сцену их конфликта: «Морозов писал, что от правительства требуется дать свободу слова и другие давно достигнутые всеми народами права, а до тех пор они будут множить взрывы и покушения, а Тихомиров провозглашал в новой программе требование народного Учредительного собрания. Это бесило Морозова, выводило его из себя, потому что глупость – требовать Учредительного собрания, когда народ не подготовлен к нему... После этих споров Морозов по нескольку часов ходил с неприятным ощущением своей умственной убогости и бесполезности делу» [17, с. 288]. Довольно легко можно предположить, что Тихомиров и сам провоцировал столкновения с Морозовым. Во всяком случае, он не пытался искать с ним компромисса, несмотря на такую возможность. Ведь хотя оба народолюбца и выражали принципиальные разногласия по террору, тем не менее, их мысли сходились на том, что народ не готов к быстрому созыву Учредительного собрания.

Чтобы окончательно передать картину отношения к Учредительному собранию Морозова, необходимо рассмотреть позиции у ещё нескольких заметных членов ИК: Г.Г. Романенко, О.С. Любатович и А.И. Зунделевича. По существу антипарламентские и террористические взгляды Морозова серьезным образом были поддержаны только Романенко¹. В одно время, с Морозовым он издал в Женеве под псевдонимом В. Тарновский брошюру «Терроризм и рутина», где выступил с критикой известного украинского публициста М.П. Драгоманова². Предметом критики Романенко была статья Драгоманова «Терроризм и Свобода», в которой он осуждал тактику политических убийств и другого насилия. Высказываясь о приоритетной цели революционного движения, Романенко обозначил её в виде достижения состояния полной политической свободы в государстве. Вслед за этим он довольно подробно описал своё видение этого понятия. С точки зрения Романенко, конституция и парламент не могли являться гарантом соблюдения прав большинства граждан «...ведь депутаты могут легко декретировать политическое рабство – как недавно сделали немцы по требованию Бисмарка. Неужели это рабство будет проявля-

¹ В состав ИК Г.Г. Романенко ненадолго вошёл после возвращения из-за границы летом 1881 г.

² Вероятно, что в совместной монографии историков А.В. Репникова и О.А. Милевского «Две жизни Льва Тихомирова» допущена небольшая неточность в виде неправильного указания источника и даты времени выхода брошюры Романенко, в связи с чем возникает неверное представление о периодах формирования его взглядов. См. А.В. Репников, О.А. Милевский. Две жизни Льва Тихомирова – М., 2011. С. 133.

нием политической свободы?». В этом эпизоде мысли Романенко совпадали с текстом брошюры Морозова, который, как мы уже цитировали выше, также считал парламент Германии местом где «под покровом общественной воли практикуется бесцеремонное насилие». С небольшой долей компромисса Романенко допускал, что избирательное право действительно является элементом политической свободы, но вслед за этим немедленно добавлял, что это «элемент ничтожный». С точки зрения Романенко политическая свобода должна выражаться в двух формах. Первая представляла классический перечень революционных требований: свобода печати, сходок, ассоциаций и личная неприкосновенность человека вне судебного следствия. Вторая выражала требование установления основ прямого народного законодательства или, в крайнем случае, посредственного, т.е парламентаризма. Положительным примером страны, где успешно действовала система прямого народного законодательства, Романенко считал Швейцарию. В конечном итоге автор резюмировал, что политическая свобода должна стоять выше закона, а общество имеет право на вооружённую борьбу с любым органом власти, который её пытается ограничить [21, с. 7–9]. Кратко и довольно скомканно Романенко сослался и на требование Земского собора в программе ИК. Это произошло при его ссылке на слова Драгоманова, где тот писал, что не разделяет «иллюзии» ИК на то, что Земский собор сможет отразить в себе мнение большинства [6, с. 10]. Из сумбурного комментария Романенко с большим трудом становится ясно, что он соглашается с этим мнени-

ем, но, в тоже время, воспринимает слова Драгоманова как политический фарс. По своему духу обе брошюры были близки друг другу, но очевидно, что в издании Романенко уделялось больше внимания проблеме организации Учредительного собрания или обычного парламента в России. Критически осмысливая парламентаризм, Романенко даже позволил себе признать его некоторые демократические стороны. Сочинения Морозова и Романенко не получили в России широкой популярности, но определённый резонанс в революционных кругах они все-таки вызвали.

Взгляды гражданской жены Морозова Ольги Любатович также выглядят не совсем однозначно. В описании своих современников она, чаще всего, представлялась как убеждённая террористка и интересная личность, но отнюдь не партийный теоретик. При этом любопытно, что в её воспоминаниях «Далёкое и недавнее» отношение к проблеме парламентаризма в России имеет непоследовательный характер. Критика Учредительного собрания явно просматривается в таком высказывании: «...в самом деле, революционная идея только тогда животворна, когда она является антитезой всякого общественного, государственного или личного принуждения, царского или якобинского всё равно. Узкий круг честолюбцев может, конечно, сменять одно насилие другим, одну власть другою; но ни народ, ни общество не пойдут за ним сознательно». Однако далее она следующим образом высказывалась о политической обстановке в России: «Диктатор гонялся за революционерами, заигрывал с легальной литературой, кроил жалкие проекты

совещательного совета, вроде теперешнего Государственного совета, вместо *народного представительства*) (курсив мой. – М.Т.) [11, с. 76, 106]. Такая противоречивость приводит к мысли о том, что убеждения Любатович были спутанными и строились под влиянием супруга. Как и её муж, Любатович стала апологетом террористической борьбы, но она не могла полностью отрицать закономерность требования создания парламентских институтов в программе любой современной революционной организации. Являясь членом ИК «Народной воли», Любатович была вынуждена признавать её программу с требованием утверждения не только основ парламентаризма, но и Учредительного собрания. Остаётся добавить, что, вернувшись в Россию, Любатович безуспешно пыталась организовать независимую террористическую группу, но вскоре была арестована.

В совершенно ином ракурсе проявлялись критические взгляды Аарона Зунделевича на политические возможности Учредительного собрания. Единственное найденное нами конкретное упоминание о том, что Зунделевич подвергал сомнению лозунг Учредительного собрания, есть в книге воспоминаний агента ИК В.И. Иохельсона: «Он говорил, что если *учредительное собрание* санкционировало царизм с его бесправием, то идейное меньшинство вправе было бы вести *революционную борьбу* против воли большинства» (курсив мой. – М.Т.) [8, с. 18]. Исходя из этого утверждения, Зунделевич мог допускать возможность силового конфликта революционной организации с учредительной властью, даже если она была создана демократическим путём. Такие воззрения, естественно, не мог-

ли фигурировать в официальной печати народовольцев. Они носили сугубо частный характер и, возможно, проявлялись во время внутрипартийных диспутов. Об оригинальных политических взглядах Зунделевича также упоминают Михайлов и Фигнер, однако в данном случае они не сообщали о его кардинальных разногласиях с программой ИК по Учредительному собранию, а лишь относили его привязанность к идеям немецкой социал-демократии и его мечте достичь условий «всеобщей политической свободы» [16, с. 232–233]. Отталкиваясь от данных оценок, мы склонны считать, что Зунделевич предпочитал классическому парламенту условия действия прямого народного законодательства (референдум и законодательная инициатива). Позиция Зунделевича, так же как и у Морозова с Романенко, имела яркие индивидуальные особенности. Его взгляды происходили от убеждения в несовершенстве классического парламентаризма. Мы также допускаем вероятность того, что оригинальные воззрения Зунделевича вносили разнообразие в теоретические дискуссии народовольцев по программным положениям. Однако, в отличие от Морозова и Романенко, он обладал более уравновешенным характером, который всегда вызывал у соратников симпатию¹. Кроме того, Зунделевич не претендовал на роль теоретического лидера организации и был, в первую очередь, сосредоточен на практической работе. Так, Фигнер писала, что этот «любимый товарищ» не вносил ни разногласий, ни какой-либо лично свойственной ему тенден-

¹ Г.Г. Романенко имел не самую положительную репутацию в «Народной воле», так как часто выражал антиеврейские взгляды.

ции в общее направление деятельности народовольцев [15, с. 106]. В целом положительно отзываясь о Зунделевиче, Тихомиров, подчеркнул, что он был в партии явно не «теоретическим человеком» [5, с. 89].

Невозможно отрицать тот факт, что проблема утверждения лозунга Учредительного собрания в программе «Народной воли» отсутствовала и не волновала всех членов организации. Несколько раньше, но в довольно схожей манере с Фигнер делилась воспоминаниями о преодолении искомых противоречий в ИК и Анна Корба. В сборнике своих очерков она упомянула некий внутренний спор об Учредительном собрании, продолжавшийся в ИК несколько дней весной 1880 г. Сейчас уже трудно сказать почему, но Корба не сочла нужным подробно описать или хотя бы перечислить основные точки зрения его участников. Очерк был опубликован накануне созыва Всероссийского Учредительного собрания, и в этом случае автору вряд ли хотелось создавать аналогию между якобинскими взглядами руководства «Народной воли» и их идеологическими преемниками-эсерами. Тем не менее, она процитировала некое «единогласное решение», принятое членами ИК: «В видах избежания анархии в стране ни в каком случае не нарушать и не умалять верховной власти *учредительного собрания*, а, следовательно, признать даже царское правительство в случае, если оно будет восстановлено *учредительным собранием*, но сохранить за партией права пропаганды республиканской идеи, и это *право отстаивать всеми доступными партией средствами*» (курсив мой. – М.Т.) [18, с. 56]. В своей моно-

графии историк С.С. Волк признавал, что в черновых записях Михайлова есть очень похожее упоминание, хотя и выразил личное сомнение, что такое решение ИК могло иметь место или было единогласным [3, с. 204]. На наш взгляд, принятие единодушного решения было на данный момент времени совершенно логичным для ИК. Основанием для того служит сделанный Корба перечень участников дискуссии: А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.И. Кибальчич, А.В. Якимов, Т.И. Лебедев, А.И. Баранников, Г.П. Исаева, Н.И. Колодкевич и М.Н. Оловенников [18, с. 55]. Заметим, что на данный момент времени в ИК уже отсутствовали лица, которые до этого целенаправленно выражали несогласие с программными положениями об Учредительном собрании. Так, в конце 1879 г. Романенко был не задействован в структуре ИК и, кроме того, находился за границей. Морозов и Любатович в начале февраля 1880 г. также покинули Россию, а Зунделевич с октября 1879 г. пребывал в тюремном заключении. Хотя Корба пишет, что причиной начала дискуссии стал отъезд членов ИК от террористической работы, реальной подоплёкой для неё вполне могли стать накопившиеся разногласия и столь подходящее отсутствие «неудобного» Морозова для их быстрого преодоления. Корба не сообщает об участии в данных дебатах Тихомирова, однако он вполне мог быть их участником. К мнению о том, что Тихомиров в этот момент активно участвовал в дискуссионной жизни «Народной воли», приходят и другие российские историки [20, с. 119].

Такие революционеры, как Морозов, Любатович и Романенко являли

собой типичных представителей молодого и радикально настроенного поколения российских народников. Характеристика «террористической молодёжи», данная украинским народовольцем А.Н. Бахом, считавшим, что её увлечение борьбой и террором в «Народной воле» было предметом «веры, а не результатом умственных выкладок», отчётливо и справедливо отражает показанную нами ситуацию [1, с. 183]. Ещё более жёсткую оценку мы находим у Тихомирова: «...наши революционеры были все-таки мальчишки и невежды... Они шли в «террор» просто по бунтовскому темпераменту, по досаде, из мщения за своих братьев и, – в самом сознательном случае, – из надежды «дезорганизовать» правительство» [5, с. 118]. На этом фоне позиции Тихомирова об Учредительном собрании выглядели гораздо более реальными и последовательными. Думается, что и сам Морозов осознал свою идейную недостаточность. Находясь в Женеве, он ещё пробовал найти новых союзников и продолжать печатать статьи. Так, помимо переписки с Лавровым и Ткачёвым, в начале 1881 г. Морозов попытался организовать совместную газету «Народной воли» и ткачёвского «Общества народного освобождения», где в качестве идейного компромисса между ними не должны были печататься статьи о Земском соборе и конституции [2, с. 40]. Однако все эти начинания оказались нереализованными. Общеизвестен факт, что, возвращаясь в Россию из Женевы, Морозов был готов вновь присоединиться к «Народной воле» и, таким образом, снова признать её

ключевые программные требования. Хотя из приведённых доказательств мы видим, что идеи Морозова выглядели заметно слабее, чем программные положения «Народной воли», было бы несправедливо принижать его заслуги. Не исключено, что, связывая его начинания со своими, уже другие и более искушённые критики программы «Народной воли» могли основательнее с ней полемизировать. Так, в 1882 г. Лавров писал в ИК о том, что считает неуместным одновременно требовать созыва Земского собора от царского правительства и пытаться провести переворот против него. Здесь же он выражал мнение, уже полностью совпадающее с морозовским, о том, что Земский собор из помещиков, чиновников, лавочников и кулаков не сможет защитить социальные интересы. Из уже упомянутого нами письма Тихомирова к «чёрнопредельцам» становится ясно, что те придавали работам Морозова и Романенко серьёзное значение [19, с. 321, 328]. «Народовольцы приняли идею Учредительного собрания, формально включили её в свою программу и в меру своего разумения защищали её», – так писал в своей книге Марк Вишняк [4, с. 37–38]. Соглашаясь с ним и исходя из представленных данных, мы приходим к заключительному выводу о том, что дискуссия по вопросу Учредительного собрания была ключевым мотивом в идейном поиске и практической борьбе лидеров организации «Народной воли». Значительная часть воззрений народовольцев была затем разным образом задействована их идейными последователями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бах А.Н. Записки народовольца. – М., Л., 1929. – 253 с.
2. Валк С.Н. Г.Г. Романенко (Из истории «Народной Воли») // Каторга и ссылка, 1928. – № 11. – С. 36–59.
3. Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. – М.-Л., 1966. – 492 с.
4. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932. – 253 с.
5. Воспоминания Льва Тихомирова. – М., Л., 1927. – 515 с.
6. Драгоманов М.П. Терроризм и Свобода, муравьи и корова. Ответы на ответь “Голоса”. – Женева, 1880. – 16 с.
7. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное издание. – М., 1989. – 832 с.
8. Иохельсон В.И. Первые дни «Народной Воли». – Пг., 1922. – 58 с.
9. Кан Г.С. «Народная Воля»: идеология и лидеры. – М., 1997. – 196 с.
10. Лавров П. Социальная революция и задачи нравственности (Открытое письмо молодым товарищам) // Вестник «Народной воли». – 1885. – № 4. – С. 1–84.
11. Любатович О.С. Далёкое и недавнее. – М., 1930. – 146 с.
12. Морозов Н.А. Возникновение «Народной воли» // Былое. – 1906. – № 12. – С. 1–21.
13. Морозов Н.А. Повести моей жизни. – М., Л., 1928. – Т. 1. – 320 с.
14. Морозов Н. Террористическая борьба. – Лондон, 1880. – 14 с.
15. «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. – Л., 1989. – 415 с.
16. Письма народовольца А.Д. Михайлова. – М., 1933. – 279 с.
17. Поповский М.А. Победённое время. Повесть о Николае Морозове. – М., 1975. – 479 с.
18. Прибылёва-Корба А.П. «Народная Воля». Воспоминания о 1870 – 1880-х гг. – М., 1926. – 232 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876-1882 гг.) – М., 1965. – Т. 2. – 473 с.
20. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова – М., 2011. – 560 с.
21. Романенко Г.Г. Терроризм и рутин (по поводу полемики г. Драгоманова с «Голосом»). – Лондон, 1880. – 24 с.
22. Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. – М., 1983. – 300 с.
23. Тихомиров Л.А. Что нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. – 1884. – № 2. – С. 227–262.
24. Трухин М.Д. Идея Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля» // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 5. – С. 99–105.
25. Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. – М., 1932. – Т. 2. – 670 с.